

На правах рукописи

Новак Ирина Петровна

**ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЧЕРЕДОВАНИЯ СТУПЕНЕЙ СОГЛАСНЫХ
В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ
(фонологический и морфонологический аспекты)**

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск
2011

Работа выполнена в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Муллонен Ирма Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Мызников Сергей Алексеевич

кандидат филологических наук
Карлова Ольга Леонидовна

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН

Защита состоится «20» октября 2011 г. в 15:15 ч. на заседании диссертационного совета КМ 212.190.05 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Петрозаводском государственном университете по адресу: 185640, г. Петрозаводск, ул. Правды, д. 1, ауд. 307.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Петрозаводского государственного университета.

Автореферат разослан « » сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.М. Гилоева

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена исследованию системы формирования и функционирования чередования ступеней согласных в диалектах всех трех карельских наречий: собственно карельском (с.-к.), ливвиковском (ливв.) и людиковском (люд.). Альтернатива согласных – одна из основополагающих особенностей прибалтийско-финской морфонологической системы. Она имеет праязыковые корни и бытует в большинстве современных языков данной языковой семьи. Вопрос о времени зарождения исследуемого явления в прибалтийско-финском языкознании остается открытым.

Чередование ступеней согласных является фундаментальной частью и фонологической системы карельского языка, примерно третья часть его словарного состава вступает в отношения альтернативы, что указывает на роль и значимость исследуемого явления. Чередование ступеней занимает важное место как в процессе словоизменения, так и словообразования. Исследование осуществляется на стыке таких разделов языкознания как фонетика, фонология, морфонология, морфология.

Актуальность настоящего исследования обуславливается отсутствием специальных работ в области карельского чередования ступеней согласных, отражающих особенности фонологического явления во всех диалектах карельского языка. Существует немало работ частного характера, посвященных исследованию альтернативы отдельных карельских диалектов или особенностей карельского чередования в целом в сравнении с остальными прибалтийско-финскими языками, изданных в Финляндии и России начиная с конца XIX в. Однако целостной картины, учитывающей и временную, и пространственную характеристики карельского чередования ступеней согласных, в прибалтийско-финском языкознании не существует. При этом альтернатива согласных ряда диалектов не исследована вообще. Особую актуальность представляет также рассмотрение явления альтернативы в морфонологическом аспекте.

Следует обратить отдельное внимание на то, что некоторые диалекты карельского языка находятся на стадии исчезновения, да и в местах компактного проживания карел родной язык постепенно выходит из употребления. Поэтому важно зафиксировать то состояние, в котором на данный момент находится исследуемое явление, и определить степень влияния на него соседних языков.

В настоящее время преподавание карельского языка ведется в школах и вузах Республики Карелия, а также в одной школе и Лихославльском педагогическом училище Тверской области, кроме того, в разных населенных пунктах проводятся курсы карельского языка. Преподавание

языка требует наличия учебников, словарей и методической базы. Усвоение чередования вызывает ряд затруднений в силу сложности и многогранности явления. Таким образом, становится очевидным, что задачи, на решение которых направлено диссертационное исследование, актуальны и имеют выход в практику языкового строительства.

Основная **цель** предпринимаемого исследования заключается в выявлении и анализе особенностей формирования и функционирования системы чередования ступеней согласных всех карельских диалектов с учетом истории становления явления и с привлечением сравнительного материала из других близкородственных языков.

В соответствии с названной целью в круг **задач** входит:

- выявление закономерностей сложения и функционирования системы чередования в карельском языке;
- анализ генезиса специфических для каждого наречия явлений;
- характеристика соотношения собственно фонологической и морфологической составляющей в процессе формирования современной системы чередования.

Решение поставленных задач существенно для понимания истории развития карельского языка и его наречий, а также их места в прибалтийско-финской языковой системе. Оно позволит уточнить механизмы и особенности становления исследуемого явления и их отражение на морфонологическом уровне.

Научная новизна заключается в том, что предпринимаемое исследование является первой работой, рассматривающей особенности системы чередования ступеней согласных всех карельских диалектов и ее развитие во времени, а также определяющей место карельской альтернации в системе прибалтийско-финского чередования. Работа объединяет результаты уже имеющихся исследований по альтернации карельских диалектов, а также основывается на новейших лингвистических данных, полученных в ходе полевых работ в исследуемом регионе. Это позволяет с максимальной точностью отразить современное состояние явления в отдельных диалектах, дать анализ языковых процессов, происходивших в нем в последнее время, выявить тенденции его развития.

Источники и материалы. Теоретической основой работы послужили труды финляндских, эстонских и российских исследователей по фонологии и исторической фонетике отдельных прибалтийско-финских языков Л. Кеттунена, П. Равила, М. Рапола, Л. Хакулинен, В. Руоппила, Е.А. Тункело, Э. Итконена, А. Ряйсянена, А. Миеликяйнен, К. Вийка, Т. Лехтинена, А. Лаанеста, М. Хинта, Д.В. Бубриха, Ю.Э. Коппалевой и др., а также работы по отдельным диалектам карельского языка А. Генетца,

Х. Оянсуу, А. Турунена, Х. Лескинена, Т. Итконена, П. Палмеос, А.А. Белякова, В.Д. Рягоева, П.М. Зайкова и др. Работа основывается на фактическом материале, собранном автором из сборников образцов карельской речи, опубликованных начиная с 30-х годов прошлого века, словарей карельского языка, осуществленных автором расшифровок магнитофонных записей, выполненных Г.Н. Макаровым, В.П. Тарасовым и М.И. Муллонен в 50-е – 60-е гг. XX в. в карельских районах Тверской области. Большое количество примеров чередования из различных карельских диалектов было получено из 120 заполненных «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» (под ред. Д.В. Бубриха), хранящихся в Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук. В течение трех лет состоялось четыре экспедиции в места компактного проживания карел: в Лихославльский и Спировский районы Тверской области (2009 г.); в Весьегонский район Тверской области (2009 г.); в поселок Спасская Губа Кондопожского района Республики Карелия (2010 г.); в Пряжинский район Республики Карелия (2011 г.). В общей сложности опрошено 76 информантов. Большой помощью оказался языковой опыт автора исследования как носителя толмачевского диалекта карельского языка.

Основным **методом исследования** является сравнительно-исторический метод, включающий в себя целый комплекс приемов. На начальном этапе исследования используются метод наблюдения, компаративный метод, методы систематизации и описания, осуществляющегося, с одной стороны, в констатации отдельных явлений системы чередования карельских диалектов, а с другой – в целостном описании системы языковых фактов, рассматриваемых как в синхронном, так и в историческом аспекте. Исследование не ограничивается только констатацией особенностей функционирования системы чередования, делается попытка объяснить диалектные особенности. На собственно исследовательском этапе активно используется метод эксперимента в совокупности с методом оппозиций. Объяснение диалектных особенностей, в свою очередь, невозможно без обращения к истории языка и использования историко-сравнительного метода (вариация сравнительно-исторического метода в пределах одного языка). Основными приемами историко-сравнительного метода являются внутренняя реконструкция и диалектография. Картографирование собранного материала и проведение изоглосс позволяют установить границы территориального распространения фонологического явления. Если на первом этапе исследования (фонологическом) активно используется метод изолирования, то на морфонологическом этапе существенное место

занимает позиционно-морфематический метод, подразумевающий рассмотрение фонемы в составе морфемы.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы диссертационной работы и выводы, полученные в результате исследования, могут способствовать дальнейшим теоретическим изысканиям в области фонологии и морфонологии не только карельского, но и других прибалтийско-финских языков, использоваться для описания и изучения особенностей функционирования карельских диалектов как в синхронном, так и в диахроническом аспектах. Основные положения работы могут найти применение в практике преподавания фонологии и морфологии, диалектологии и истории карельского языка, оказать помощь в составлении учебных пособий, разработке курсов лекций по сравнительно-исторической морфонологии, выработке правил и норм орфографии новописьменного карельского языка.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседании сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, а также были представлены в виде докладов на региональных и международных конференциях и семинарах: 1) XXV международная научная конференция студентов финно-угроведов IFUSCO, Петрозаводск, 2009; 2) Международный российско-финляндский семинар «Paikallisuuden representaatio Venäjän ja Neuvostoliiton kontekstissa», Петрозаводск, 2009; 3) XXXIX международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 2010; 4) Региональная научная конференция «Бубриховские чтения», Петрозаводск, 2010; 5) Международная конференция «Тверские карелы: история, язык, культура», Тверь, 2010; 6) XL международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 2011; 7) Университетский исследовательский семинар, Хельсинки (Финляндия), 2011.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из предисловия, введения, четырех глав, рассматривающих историю формирования альтернативы в прибалтийско-финском языке-основе и ее развитие в древнем карельском языке, функционирование явления в современных наречиях карельского языка, чередование ступеней согласных в морфонологическом аспекте, заключения, списка использованной литературы, включающего 202 наименования, списка источников, списка принятых в работе сокращений, списка информантов и 20 приложений, содержащих карты и таблицы, отражающие основные результаты исследования. Объем работы составляет 232 страницы компьютерного текста.

Содержание работы

В предисловии обосновывается актуальность исследования, формируются цель и задачи, научная новизна, практическая и теоретическая значимость, указываются источники и методы исследования.

Введение состоит из двух разделов. В первом разделе излагаются положения, составившие теоретическую основу диссертации.

Чередование (альтернация) – парадигматическое отношение между однородными единицами языка, способными заменять друг друга в составе более крупных единиц¹. Чередование свойственно, прежде всего, единицам звукового строя – звукам и фонемам, выступающим в составе морфем. Чередование ступеней согласных прибалтийско-финских языков заключается в различии смычно-взрывных согласных фонем, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы, мотивированном определенными условиями. Единицы, связанные отношением чередования, называют альтернантами (альтернационный ряд). Напр., ливв.: *leibu*: *söin leivän* ‘хлеб: я съел хлеб’, *jogi*: *jovet* ‘река: реки’ – две пары альтернантов *b:v*, *g:v*.

Исследуя явление чередования, мы оказываемся на стыке подходов московской, ленинградской и пражской фонологических школ в понимании фонемы: каждая фонема, действуя в пределах морфемы, противопоставляется всем остальным фонемам языка, благодаря чему имеет смысло-различительную функцию. Такой подход позволяет отнести исследуемое явление к области морфонологии. Морфонологическая типология чередования объединяет в себе фонологическую и морфологическую. Фонологическая типология включает два параметра: фонологический статус альтернантов и степень фонетической обусловленности чередования, морфологическая типология основывается на взаимосвязи грамматического значения и чередования².

В зависимости от дифференциального признака исследователи выделяют следующие типы и виды чередования:

1. По характеру условий альтернации в прибалтийско-финском языкознании принято выделять четыре типа чередования: фонетическое, фонологическое, морфонологическое, морфологическое. Возможен переход исследуемого явления из одной стадии в другую³.

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 580.

² Маслов Ю.С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979. С. 195-199.

³ Хинт М. Чередование ступеней в эстонском языке как явление флективной морфологии // Советское финно-угроведение. 1981. № 17. С. 194-198.

2. В зависимости от морфемы, в которой встречается альтернатива, различают радикальное и суффиксальное чередование. При радикальном чередовании изменение происходит в основе слова в процессе формо- и словообразования вследствие присоединения к ней аффикса. Суффиксальная альтернатива функционирует в самих суффиксах⁴. Напр., с.-к.: meččä-: mečä-t ‘лес: леса’ – радикальное чередование; šano-**kkua** ‘скажите’: tul-**kua** ‘приходите’ – суффиксальное чередование. Суффиксальное чередование в прибалтийско-финских языках постепенно становится достоянием языковой истории. Настоящее исследование посвящено рассмотрению радикального чередования.

3. По характеру дифференциальных признаков альтернатив различают количественное (квантитативное) и качественное (квалитативное) чередование. Количественное чередование распространяется на геминаты и вызывает их сокращение; качественное чередование затрагивает одиночные смычно-взрывные, находящиеся в интervoкальной или постконсонантной позиции, в результате чего происходит замена этих гласных другими, их полное исчезновение или ассимиляция с предшествующим согласным. Напр., с.-к.: kukko: kukot ‘петух: петухи’ – количественное чередование; с.-к.: p^ada: p^ašša ‘горшок: в горшке’, pelto: pellolla ‘поле: на поле’ – качественное чередование.

4. В прибалтийско-финском языкознании принято выделять также прямое и обратное чередование. При прямом чередовании начальная (словарная) форма слова находится в сильной ступени, при обратном чередовании – в слабой⁵. Напр., люд.: aitte (ном. ед.): aitat (ном. мн.) ‘амбар: амбары’ – прямое чередование, t’yt’äg (ном. ед.): t’yt’t’äred (ном. мн.) ‘дочь: дочери’ – обратное чередование.

5. Синхроническое чередование обнаруживается на уровне диалектов и говоров, а также в речи разных поколений носителей языка или разных социальных групп людей. Диахроническое чередование обнаруживается при сравнении различных периодов развития языка⁶.

6. В зависимости от активности функционирования выделяют продуктивные (распространяются не только на исконную лексику, но и на неологизмы и заимствования) и непродуктивные (ограничиваются лишь исконной лексикой) чередования.

Для большинства прибалтийско-финских языков, в том числе карельского, характерно наличие двух ступеней чередования: сильной (фонема

⁴ см. напр., Lehtinen T. Kielen vuosituhanet. Helsinki: SKS, 2007. S. 146.

⁵ см. напр., Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2010. S. 118.

⁶ Suomi K. Fonologian perusteita. Oulu: Oulun yliopisto, 1996. S. 121-139.

остается неизменной) и слабой (фонема изменяется). Этимологически первичной считается сильная ступень чередования.

Выбор ступени при суффиксальном чередовании в прибалтийско-финских языках зависит от того, следуют ли интервокальные одиночные смычно-взрывные согласные, выступающие в суффиксах, за слогом с главным или второстепенным ударением (сильная позиция), или за безударным слогом (слабая позиция). При радикальном чередовании идентификация ступени в большинстве случаев обусловлена качеством слога, т.е. сильная ступень выступает в открытом (оканчивается на гласный звук) или первоначально открытом слоге, а слабая в закрытом (оканчивается на согласный звук) или первоначально закрытом слоге⁷. Исключения из данного правила объясняет история языка. Напр., с.-к.: радикальное чередование: *mat-to*: *ma-tot* 'ковер: ковры', *ma-to*: *ma-vot* 'червь: черви'; суффиксальное чередование: показатель императива: *kačšo-kkua* 'смотри': *šyö-kyä* 'ешьте', окончание партитива: *ei ole puu-ta* 'нет дерева': *ei ole kalu-a* 'нет рыбы'.

Второй раздел «Введения» представляет обзор научных работ, рассматривающих чередование ступеней согласных в прибалтийско-финских и саамском языках. Особый акцент сосредоточен на работах, посвященных исследованию альтернации диалектов карельского языка.

Глава 1. Чередование ступеней согласных в прибалтийско-финских языках: история и современность

Первая глава исследования состоит из трех разделов. В первом разделе «Время и причины формирования чередования ступеней согласных» рассматриваются основные теории возникновения альтернации:

1. Теория чередования, разработанная известным исследователем исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э.Н. Сетяля, согласно которой альтернация восходит своими корнями к уральскому праязыку. Основным доказательством данной теории является наличие схожих систем чередования в самодийских, саамском и прибалтийско-финских языках⁸.

Кроме самодийских, альтернация встречается также в пермских и хантыйском языках, однако, данные системы довольно сильно отличаются от прибалтийско-финской и саамской, а в волжских языках явление чередования ступеней согласных отсутствует полностью. Это заставило исследователей сомневаться в теории чередования, предложенной Сетяля.

---

⁷ см. напр., Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Otava, 1979. S. 60.

⁸ Setälä E.N. Zu dem Alter des Stufenwechsels // Finnisch-ugrische Forschungen. 1911. № 11. S. 15.

2. Согласно второй теории, которой придерживались такие финляндские исследователи как Х. Оянсуу, Л. Кеттунен, П. Равила, Л. Хакулинен, Л. Пости, Э. Итконен, Т. Итконен, советский лингвист Д.В. Бубрих и др., чередование ступеней согласных сформировалось в период функционирования прибалтийско-финского языка-основы (*kantasuomi*)⁹. Разногласия сторонников теории касаются того, сложилось ли исследуемое явление в ранний или поздний период его функционирования, т.е. до или после отделения саамского, а также вепсского и ливского языков.

Очевидно, что есть несколько причин, которые в совокупности привели к возникновению явления альтернации. К ним следует отнести в первую очередь естественные причины, вызванные произносительными особенностями, т.е. ударностью/ безударностью слога и распределением энергии при произношении открытых и закрытых слогов. Изменение в тысячелетиями развивающемся праязыке не могло произойти внезапно, нужен был какой-то толчок, в качестве которого вполне могло послужить германское влияние¹⁰.

Второй раздел первой главы посвящен анализу чередования ступеней согласных в современных прибалтийско-финских и саамском языках. Карельский, финский, ижорский, водский и эстонский языки обнаруживают довольно схожие системы альтернации, что и позволяет возводить формирование явления к одному из периодов функционирования прибалтийско-финского языка-основы. Современному вепсскому языку, наиболее близкому карельскому, явление чередования не свойственно (исключением является количественная альтернация в северном вепсском диалекте). Согласно одной точке зрения, для вепсского языка явление чередования никогда не было характерно, но оно могло и исчезнуть из древнего вепсского языка в результате влияния ряда определенных факторов. Ливскому языку свойственно лишь количественное чередование ступеней согласных, но оно не имеет никакого отношения к прибалтийско-финскому механизму парадигматического чередования. Однако нельзя исключать, что альтернация ранее была характерна для ливского языка, но исчезла в процессе развития.

Альтернативная система саамских диалектов содержит целый ряд важных отличительных особенностей в сравнении с прибалтийско-финской, а для южных саамских диалектов явление чередования не характерно вообще. Такое представительство явления можно объяснить довольно длительным самостоятельным развитием саамского языка, хотя основы

⁹ см. напр., Ravila P. *Astevaihtelun arvoitus // Virittäjä*. 1951. № 55. S. 297-298.

¹⁰ Posti L. *From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic // Finnisch-ugrische Forschungen*. 1953. № 31. S. 78-79.

функционирования чередования указывают на его генетическую связь с прибалтийско-финской альтернативой.

В третьем разделе реконструирована наиболее вероятная для прибалтийско-финского праязыка система чередования ступеней согласных. Очевидно, в языке-основе функционировали радикальное и суффиксальное, количественное и качественное виды чередования. Количественная альтернатива затрагивала удвоенные согласные, вызывая их редукцию (*kk:*kk*, *tt:*tt*, *pp:*pp*, *tts:*tts*), качественная распространялась на смычно-взрывные согласные, в результате чего произошло изменение их качества (*k:*γ*, *t:*δ*, *p:*β*, *lk:*ly*, *rk:*rγ*, *lt:*lδ*, *rt:*rγ*, *ηk:*ηγ*, *nt:*nd*, *mp:*mb*). Чередование в праязыке происходило автоматически и носило фонетический характер: сильная степень выступала в открытом, а слабая – в закрытом слоге. Претерпев определенные видоизменения (*kk:*k*, *tt:*t*, *pp:*p*, *tts:*ts*, *ly>*ll*, *rγ>*rr*, *ηγ>*ηη*, *lδ>*ll*, *rδ>*rr*, *nd>*nn*, *mb>*mm*, распространение чередования в заударные позиции)¹¹, представленная система перешла в древний карельский язык.

Глава 2. Древнекарельская система чередования

Первый из трех представленных в главе разделов посвящен проблемам формирования древнего карельского языка, что могло найти свое отражение на исследуемом явлении. Все исследователи без сомнений называют древний карельский язык последователем прибалтийско-финского языка-основы. Согласно Т. Итконену, смешение северного и восточного диалектов языка-основы привело к формированию древнего карельского языка на северо-западном побережье Ладожского озера в начале второго тысячелетия, одновременно на южном и юго-восточном побережье оформился древний вепсский язык¹².

Очевидно, в начале второго тысячелетия произошло отделение от древнего карельского языка ижорского языка. К XIII в. карелы достигли озерной части Восточной Финляндии, Олонецкого перешейка, беломорского побережья, вышли к Ботническому заливу¹³.

Военные конфликты между Новгородом и Шведским королевством привели к подписанию в 1323 г. Ореховецкого мирного договора. Установление границы разделило корелу – единое этническое образование – на три группы: Новгородская Карелия, Шведская Карелия и Саво. На территориях двух последних в итоге сложились восточные диалекты финского языка, язык же Новгородской Карелии послужил основой для

¹¹ см. напр., Lehtinen T. Kielen vuosituhanne. Helsinki: SKS, 2007. S. 146-174.

¹² Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. № 83. S. 349-353.

¹³ Киркинен Х. История карельского народа. Петрозаводск: Б.и., 1998. С. 16-18.

современных карельских наречий: собственно карельского, ливвиковского и людиковского.

Во втором разделе второй главы производится анализ систем чередования ступеней согласных в дочерних языках древнего карельского языка: юго-восточных финских диалектах и диалектах Саво. Полученные данные сравниваются с системой чередования в карельском и ижорском языках, что позволяет получить представление о функционировании исследуемого явления в древнем карельском языке, необходимое для последующего объяснения диалектных особенностей альтернативы современных карельских наречий.

Третий раздел посвящен реконструкции альтернативной системы древнего карельского языка, сохранившего праприбалтийско-финский механизм чередования (зависимость от качества слога). Он перенял все виды количественного чередования. Древние слабоступенные спиранты *y*, *δ* подверглись выпадению с последующим развитием вставочных согласных *v* (в окружении лабиальных гласных) и *j* (после гласного *i*). Полное же выпадение спирантов стало сопровождаться дифтонгизацией. Слабоступенным соответствием лабиального *p* выступал согласный *v*. Чередования сочетаний согласных *lt:ll*, *rt:rr*, *nt:nn*, *mp:mm* сохранились как наследие прибалтийско-финского праязыка. Произошло сокращение слабоступенных соответствий сочетаний *lk*, *rk* (*ll*, *rr*) до одиночных согласных, вызванное, вероятно, целью преодоления омонимии с чередованием сочетаний *lt*, *rt*. Сочетание *nk* вышло из чередования по тем же причинам. Отличительной особенностью древнекарельской альтернативной системы явилось чередование смычно-взрывных, выступающих в положении после глухих согласных: **sk:s*, **st:ss*, **tk:t*, **hk:h*, **ht:h*. Скорее всего, данные виды чередования возникли по аналогии с более древними¹⁴.

Вместе с изменениями в системе чередования в древнем карельском языке произошел переход явления на фонологический уровень. Слабоступенные аллофоны оформились в самостоятельные фонемы. В результате фонологизации стало невозможным по слабой ступени определить сильную, что привело к омонимии слабоступенных форм, вызвавшей изменения в некоторых видах чередования.

Глава 3. Особенности чередования ступеней согласных в современных наречиях карельского языка

Для анализа особенностей карельской системы чередования важно учитывать тот исторический фон, на котором происходило формирование его наречий, чему и посвящен первый раздел главы.

---

¹⁴ см. напр., Lehtinen T. Kielen vuosituhannet. Helsinki: SKS, 2007. S. 178-181, 276-279.

Формирование карельских наречий приходится на период XIV-XVIII вв. В результате военного противостояния России и Швеции поток карел с исторической родины хлынул на освоенный вепсами Олонецкий перешеек, что в итоге привело к образованию здесь ливвиковского и людиковского наречий карельского языка. Разница между этими наречиями объясняется степенью сохранения вепсского субстрата. Переселение проходило также в северные и центральные регионы современной Карелии, на тверские и новгородские земли, где в итоге оформилось собственно карельское наречие¹⁵, являющееся прямым наследником древнего карельского языка.

В разделе «Чередование ступеней согласных в собственно карельском наречии карельского языка» проводится анализ системы чередования в собственно карельских северных (СКД) (вокнаволоцком (вкн.), вычтай-больском (вчт.), кестеньгском (кст.), керетьском (крт.), контоксском (кнт.), оулангском (олг.), суомуссалмском (смс.), тихозерском (тхз.), ухтинском (ухт.)), переходных (ПД) (панозерском (пнз.), подужемском (пдж.), юшкозерском (юшк.)) и южных диалектах (маслозерском (мсл.), мяндусельгском (мдс.), паданском (пдн.), поросозерском (прз.), ребольском (рбл.), ругозерском (ргз.), тунгудском (тнг.), шуезерском (шзр.) (ЮКД); южнокарельских диалектах Приладожской Карелии (ДПК): иломонтсинском (илм.), корби-сельгском (крб.), суйстамском (сст.), суоярвском (срв.); южнокарельских диалектах центральной России (ДЦР): валдайском (влд.), весьегонском (всг.), держанском (држ.), тихвинском (тхв.), толмачевском (тлм.)).

В собственно карельских наречиях альтернатива зависит от закрытости/открытости слога, но не от его ударности. Во всех диалектах в количественное чередование вступают удвоенные смычно-взрывные согласные *kk*, *tt*, *pp* и аффриката *čč*. Напр., пвс. (повсеместно): *harakka*: *harakat* 'сорока: сороки'; *otta*:- *otan* 'братъ' *ильн. осн.: 1 л. ед. през. инд.*; *serpä*: *serät* 'кузнец: кузнецы'; *meččä*: *mečät* 'лес: леса'.

Различия между диалектами проявляются в случаях с чередованиями геминат, выступающих в положении после согласных *l*, *r*, *n*. Во всех собственно карельских диалектах Республики Карелия (кроме некоторых поросозерских и паданских говоров), а также в валдайском диалекте в открытом слоге в данном случае встречаются удвоенные геминаты *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, вступающие в отношения чередования. В остальных диалектах на их месте выступают нечередующиеся одиночные согласные. Сокращение геминат в этих диалектах произошло уже в ходе их самостоятельного развития. Напр., пвс. (кроме всг., држ., тхв., тлм.): *pertti*/ *pirtti*: *pertit*/ *pirtit*

---

¹⁵ см. напр., Кочкуркина С.И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 66-67.

‘изба: избы’, verkko: verkot ‘сеть: сети’; всг., држ., тхв., тлм.: p’er’t’i: p’er’t’it, verko: verkot.

Слабоступенным соответствием одиночных смычно-взрывных *k/g, t/d*, в зависимости от фонетического окружения, выступают альтернанты *j, v*, или ноль звука. *v* появляется в окружении лабиальных гласных, а также в позиции после долгих лабиальных гласных и дифтонгов, заканчивающихся на лабиальный. Исключением являются лишь некоторые паданские и ругозерские говоры, в которых смычно-взрывные выпадают бесследно, однако, слоговая граница сохраняется. Напр., пвс.: koko/ kogo: kovošša ‘куча: вместе’, vako/ vago: vavot ‘борозда: борозды’, ruoka/ ruoga/ ruvga: ruuvalla/ ruvvala/ ruuvvalla ‘еда: едой’, hauki/ haugi/ havgi: hauvit/ havvit/ hauvvit ‘щука: щуки’; kyty/ kydy: kuvyt ‘деверь: деверья’, mato/ mado: mavot ‘змея: змеи’, uute-/ uude-/ uvde-: uuvet/ uvvet/ uuvvet ‘новый’ сильн. осн.: ном. мн., rauta/ rauda/ ravda: rauvan/ ravvan/ rauvvan ‘железо’ ном. ед.: ген. ед.; пдн., ргз.: kogo: kuossa, vago: va:ot, ruoga: ruu:at, haugi: hau:it; kydy: ky:yt, mado: ma:ot, uude-: uu:et, rauda: rau:an.

Ноль звука выступает в положении после гласных *a, ä* и дифтонгов на *a, ä*. В данном случае в большинстве диалектов происходит дифтонгизация образовавшихся долгих гласных, за исключением некоторых ругозерских говоров, а также сокращение трифтонгов. Напр., пвс.: jaka-/ jaga-/ d’aga-: juan/ joan/ d’uan/ d’oan ‘делить’ сильн. осн.: I л. ед. през. инд., laki/ lagi: luat/ loat/ liät/ laet ‘потолок: потолки’, ruaka/ roaka/ ruaga/ roaga: ruat/ goat ‘сырой: сырые’; pata/ pada: puat/ poat ‘горшок: горшки’, käte-/ käde-: kiät/ keät/ köät/ käit ‘рука’ сильн. осн.: ном. мн., ruata-/ roata-/ ruada-/ roada-: ruan/ roan ‘работать’ сильн. осн.: I л. ед. през. инд.; ргз.: d’aga-: d’a:an, pada: pa:at, käde-: ke:et; пдн.: d’aga-: d’o:an, pada: po:ot.

Однако в положении после гласных *a, ä*, а также перед гласным *e* в некоторых диалектах возможно появление альтернанта *j*. Напр., ЮКД, вчт., юшк., срв.: mäke-/ mäge-: miällä/ mäellä/ mäel ‘гора’ сильн. осн.: адесс. ед.; вкн., ухт., сст.: mäke-/ mäge-: mäjellä/ mäjel; пвс.: käte-/ käde-: kiät/ keät/ ke:et ‘рука’ сильн. осн.: ном. мн.; тнг., крб., сст.: käde-: käjet.

Альтернант *j* в слабой ступени выпадает в положении после гласного *i*, долгого гласного *ii*, дифтонгов на *i*. Исключением являются некоторые паданские и ругозерские говоры, в которых в положении после дифтонга альтернант не представлен. Ноль звука в положении после одиночного гласного *i* может выступать также в некоторых суйстамских и валдайских говорах, а также в южнокарельских и некоторых северокарельских и переходных диалектах в случае с глаголом *pidyä/ piteä/ pidyä/ pideä* ‘держать’. Напр., пвс.: lika/ liga: lijat ‘грязь’ ном. ед.: ном. мн., liika/ liiga: liijat ‘лишний: лишние’, poika/ poiga: poijat/ pojat

'парень: парни'; pitä-/ pidä-: pijän/ pien 'держать' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд., viite-/ viide-: viijen 'пять' сильн. осн.: ген. ед., aita/ aida: aijat 'забор: заборы'; пдн., ргз.: liga: li:alla, liiga: lii:at, viide-: vii:en; влд., сст.: liga: li:at.

Представительство слабой ступени смычно-взрывных, находящихся в положении после гласного *e*, в собственно карельских диалектах разнообразно. В некоторых из них выступает альтернант *j*, в других – ноль звука. В части диалектов возможно двойное представительство чередования. Напр., СКД (кроме олг., смс.), ПД, ДЦР, мсл., ргз., тнг., шзр.: *reki/ regi: gejet 'сани' ном. ед.: ном. мн.; vete-/ vede-: vejet 'вода' сильн. осн.: ном. мн.;* ДПК, ДЦР, олг., вчт., кст., смс., мдс., пдн., прз., рбл., ргз., тнг.: *reki/ regi: riet/ reit; vete-/ vede-: viet/ veit; пдн., ргз., срв.: regi: ge:et; vede-: ve:et.*

Во всех диалектах смычно-взрывной *p/b* в интервокальном положении, а также в позиции после сонорных чередуется с согласным *v*. Исключением являются лишь некоторые паданские, ругозерские и шуезерские говоры, не обнаруживающие чередования. Напр., пвс.: *leipä/ leibä: leivät 'хлеб' ном. ед.: ном. мн., tара/ taba: tavat 'обычай: обычаи'; пдн., ргз., шзр.: leibä: leibät, taba: tabat.*

Для всех собственно карельских диалектов характерно отсутствие чередования в сочетании согласных *nk/ng*. Напр., пвс.: *lanka/ langa: lankat/ langat 'нитка: нитки', henki/ hengi: henket/ henget 'душа: души'.*

При чередовании смычно-взрывного *k/g*, выступающего после сонорных согласных *l, r*, диалектные отличия в собственно карельском наречии явно заметны. В северных, переходных, а также северных южнокарельских диалектах в слабой ступени происходит выпадение смычно-взрывного. В остальных диалектах смычно-взрывной ассимилируется с впереди стоящим согласным. Напр., СКД, ПД, мсл., рбл., ргз., тнг., шзр.: *jalka/ jalga/ d'alga: jalat/ d'alat 'нога: ноги', härkä/ härgä: härät 'бык: быки';* ЮКД (кроме мсл., рбл., тнг., шзр.), ДПК, ДЦР: *jalga/ d'alga: jallat/ d'allat, härgä: härrät.* Х. Лескинен объясняет разницу в представительстве слабой ступени влиянием ливвиковского наречия еще на некоторые диалекты древнего карельского языка Корельского уезда в XIV – XV вв.¹⁶

Чередование дентального и лабиального смычно-взрывных, выступающих в положении после сонорных и носовых, не обнаруживает диалектных отличий. Напр., пвс.: *pelto/ peldo: pellot 'поле: поля', parta/ parda: parrat 'борода: бороды', ranta/ randa: rannat 'берег: берега', hampahat/ hambahat: hammas 'зубы: зуб'.*

¹⁶ Leskinen H. Vepsän, karjalan ja inkeröisen asemasta kolmen äännepiirteen valossa // Itämerensuomalaiset kielikontaktit. Helsinki: Valtion Painatuskeskus, 1990. S. 78.

Следует обратить внимание на то, что в большей части тверских говоров произошли фонетические изменения в слабоступенных альтернантах сочетаний *rg*, *rd*: удлинение впереди стоящей гласной и сокращение удвоенного *rr*, что можно объяснить влиянием фонетики русского языка. Напр., всг., држ., тлм.: härgä: häärät, parda: paarat.

В большинстве диалектов собственно карельского наречия сочетание согласных *hk* находится за рамками чередования. Однако всем переходным, а также поросозерскому диалекту и северным тунгудским говорам в слабой ступени свойственно как отсутствие чередования, так и его наличие. Во многих других диалектах, однако, чередование *hk:h* встречается в некоторых глаголах, а также в положении после дифтонгов. Напр., пвс.: nahka: nahkat 'шкура: шкуры'; ПД, прз, тнг.: nahka: nahat; СКД, ДПК, ДЦР: tahkuon: tahkota 'я точу: точить'; ПД, ЮКД, вчт., кст., кнт., олг., ухт.: tahkuon: tahota; ДЦР, вкн., кст., юшк., пдн., прз., тнг.: riähkä/ reähkä/ röähkä: riähät/ reähät/ röähät 'грех: грехи'; срв.: reähkä: reähkät. Такое распространение явления указывает на его частичное исчезновение уже из восточных районов распространения древнего карельского языка.

Сочетание согласных *sk* в северных, переходных, а также тунгудском, маслозерском, шуезерском и ребольском диалектах и северных ругозерских говорах чередуется с одиночным *s*. Диалектам Приладожской Карелии и некоторым панозерским говорам (только в позиции после кратких гласных) свойственно отсутствие чередования. В остальных южнокарельских диалектах Республики Карелия и в валдайском диалекте согласный *k* ассимилируется с согласным *s*. Большинство диалектов центральной России обнаруживает наличие обоих слабоступенных вариантов. Вероятно, появление геминаты в слабой ступени в большинстве южнокарельских диалектов произошло по аналогии с чередованиями *lk:ll*, *rk:rr*. Напр., СКД, ПД, мсл., рбл., ргз., тнг., шзр., всг., држ., тхв., тлм.: koski: koset/ kožet 'порог: пороги', laiska: laisat/ laizat 'ленивый: ленивые'; ДЦР, мдс., пдн., прз., ргз., крб., срв.: koski: kosset, laiska: laissat; ДПК, пнз.: koski: kosket, laiska: laiskat.

Для всех диалектов собственно карельского наречия, за исключением некоторых восточных говоров Приладожской Карелии, характерны чередования *tk:t*, *ht:h*, *st:ss*. Напр., пвс.: itkie: iten 'плакать: я плачу', lehti: lehet 'лист: листья', musta: mussat 'черный: черные'; сст., срв.: itkie: itken, lehti: lehtet, musta: mustat. Отсутствие чередования смычно-взрывных, выступающих в глухом фонетическом окружении, в восточных говорах Приладожской Карелии, очевидно, обусловлено ливвиковским влиянием.

Примеры показывают, что система чередования ступеней согласных во всех диалектах собственно карельского наречия сохранилась довольно близкой к древнему карельскому языку, что говорит о важной роли данного явления. Диалектные отличия немногочисленны, но существенны.

Раздел «Чередование ступеней согласных в ливвиковском наречии карельского языка» посвящен исследованию альтернативной системы ливвиковских диалектов: ведлозерского (влз.), видлицкого (вдл.), импилахтинского (имп.), кондушского (кнд.), коткозерского (ктк.), некульского (нкл.), рыпушкальского (рпш.), салминского (слм.), сязозерского (смз.), тулмозерского (тлз.).

Всем ливвиковским диалектам свойственно наличие количественного и качественного чередования. Выбор ступени зависит, как и в собственно карельском наречии, от закрытости/ открытости слога. Количественное чередование происходит независимо от условия ударности/ безударности слога и затрагивает геминаты *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, а также удвоенные согласные *ss*, *šš*, очевидно, подвергшиеся альтернации на стадии формирования наречия. Напр., пвс.: *akku*: *akat* 'старуха: старухи'; *tyttö*: *tütöt* 'девочка: девочки'; *rappi*: *rapit* 'нопа: нопы'; *brihačču*: *brihačut* 'парень: парни'; *kassu*: *kasat* 'коса: косы', *bošši*: *bošit* 'баран: бараны'.

В положении после *l*, *r*, *n* в большей части говоров выступают одиночные смычно-взрывные или одиночная аффриката *č*, не подвергающиеся чередованию. Однако в образцах речи удалось обнаружить чередующуюся геминату в некоторых диалектах. Напр., влз., вдл., кнд., ктк., нкл., рпш., тлз.: *čirku*: *čirkut* 'кузнечик: кузнечики', *perti*: *pertit* 'изба: избы'; влз., вдл., имп., ктк., нкл., слм., смз., тлз.: *čirkku*: *čirkut*, *pertti*: *pertit*.

Качественное чередование в ливвиковских диалектах выступает намного единообразнее, чем в собственно карельских, что можно объяснить довольно компактным распространением наречия. Отличия проявляются лишь в случаях с выпадением смычно-взрывных, сопровождающихся дифтонгизацией. В ливвиковских диалектах процесс дифтонгизации происходит по-разному, а в тулмозерском и видлицком диалектах не происходит вообще.

Итак, одиночные смычно-взрывные *g*, *d* в слабой ступени представлены альтернативой *v* в окружении лабиальных гласных, а также после долгих лабиальных гласных и дифтонгов на *u*, *y*. Напр., пвс.: *lugu*: *luvut* 'число: числа', *jogi/ d'ogi*: *jovet/ d'ovet* 'река: реки', *ruogu*: *ruuval/ ruvval* 'еда: едой', *haugi*: *hauvit/ havvit* 'щука: щуки'; *kudy*: *kuvut* 'деверь: деверья', *mado*: *mavot* 'змея: змеи', *ruodu*: *ruuvat/ ruvvat* 'ребро: ребра', *laudu*: *lauvvat/ lauvat* 'доска: доски'.

В позиции после гласных *a*, *ä*, а также дифтонгов на *a*, *ä* смычно-взрывные выпадают, что сопровождается дифтонгизацией в большей части ливвиковских диалектов и сокращением образовавшихся трифтонгов во всех. В некоторых диалектах, однако, возможно появление альтернанта *j*, обусловленного позицией перед гласным *e*. Напр., пвс.: *laji*: *lait/ laet/ luat* 'потолок: потолки'; вдл., ктк., тлз.: *laji*: *lajet*; пвс.: *jaga-/ d'aga-*: *juan/ joan/ ja:an/ jjan/ d'uau/ d'a:an* 'делить' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд., *mägi*: *mäis* 'гора: в горе', *guagu/ roagu/ raagu*: *ruat/ roat/ ruagat/ roagat/ raagat* 'шесть: шесть'; *pada*: *puat/ poat/ pa:at/ p̄iat/ puot/ po:ot* 'горшок: горшки', *guada-*: *guan/ ga:an/ roan/ r̄ian* 'работать' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд., *käde-*: *käit* 'рука' сильн. осн.: ном. мн.; влз., вдл., рпш., смз., тлз.: *käde-*: *käjet*.

Альтернант *j* выступает в позиции после долгого *i* и дифтонга на *i*. Напр., пвс.: *liigu*: *liijat* 'лишний: лишние', *roigu*: *rojät* 'парень: парни'; *tiedä-*: *tiijän* 'знать' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд., *paidu*: *paijat* 'рубашка: рубашки'. В положении после одиночного гласного *i* в ливвиковских говорах представительство слабой ступени двойка (*o* или *j*). Напр., пвс.: *higi*: *hies/ hiäs* 'ном: в поту'; смз., тлз.: *higi*: *hijes*; рпш., слм., тлз.: *liga*: *lijal* 'грязь: грязью'; пвс.: *pidä-*: *pien/ piän/ reän* 'держат' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд.

В положении после гласного *e* смычно-взрывные выпадают. Напр., пвс.: *regi*: *riet/ reit/ re:et* 'сани' ном. ед.: ном. мн.; *vede-*: *viet/ veit/ ve:et* 'вода' сильн. осн.: ном. мн.

Слабоступенным соответствием смычно-взрывного *b* во всех ливвиковских диалектах выступает согласный *v*. Напр., пвс.: *siibi*: *siivet* 'крыло: крылья', *taba*: *tavat* 'обычай: обычаи'.

Чередование смычно-взрывных, выступающих в положении после сонорных и носовых, в ливвиковских диалектах представлено одинаково. Сочетание согласных *ng* не вступает в отношения чередования. Напр., пвс.: *jalgu/ d'algu*: *jallat/ d'allat* 'нога: ноги', *märgu*: *märrät* 'мокрый: мокрые', *langu*: *langat* 'нитка: нитки'; *ildu*: *illal* 'вечер: вечером', *piirdä-*: *piirän* 'чертит' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд., *kando*: *kannot* 'пень: пни'; *hambahat*: *hammas* 'зубы: зуб'.

Особое внимание следует обратить на то, что качественное чередование в ливвиковских диалектах не происходит далее второго слога слова. Напр., пвс.: *humalduo*: *humaldun* 'пьянеть: я пьянею', *kumarduo*: *kumardun* 'кланяться: я кланяюсь', *emändu*: *emändät* 'хозяйка: хозяйки', *vanhemi*: *vanhembat* 'старший: старшие'.

Сочетания согласных *hk*, *sk*, *tk*, *ht*, *st* в закрытом слоге остаются неизменными. Напр., пвс.: *vihko*: *vihkot* 'тряпка: тряпки', *vaski*: *vaskel* 'медь:

медью', petkelet: petkel 'пест: песты'; kohtu: kohtat 'место: места', pasta: pastan 'печь' сильн. осн.: 1 л. ед. през. инд.

Во всех диалектах ливвиковского наречия можно обнаружить следы наличия древнего чередования в положении после глухого согласного *h*. Напр., пвс.: ahista 'набивать', ehättiä 'переправлять', kaheksa 'восемь', kahtičči 'дважды', uheksä 'девять', kohendus 'ремонт'. Некоторые исследователи объясняют такие исключения влиянием южнокарельских диалектов, но они могут служить и доказательством бывшего наличия в ливвиковском наречии данных видов чередования.

В разделе «Чередование ступеней согласных в людиковском наречии карельского языка» рассматривается система чередования людиковских северного, среднего, южного и михайловского диалектов.

Для людиковского наречия характерно наличие лишь количественного чередования ступеней согласных. Функционирует оно по тем же правилам, как и в остальных карельских наречиях, т.е. слабая ступень выступает в закрытом слоге, а сильная – в открытом. Альтернация затрагивает геминаты *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, *cc*, а также удвоенные *šš*, *ss*, *hh*, выступающие в заимствованиях из русского языка. Напр., пвс.: harakk: harakad 'сорока: сороки'; nuott: nuotad 'невод: неводы'; sepp: sepäd 'кузнец: кузнецы'; vičč: vičad 'прут: прутья'; kuašš: kuašad 'каша: каши'; kass: kasat 'коса: косы'.

В положении после сонорных согласных *l*, *r* и носового *n* в большей части говоров количественное чередование не представлено. Однако для некоторых северных, средних и южных людиковских говоров свойственно наличие в данной позиции геминаты, подверженной альтернации. Напр., пвс.: čirku: čirkud 'кузнечик: кузнечики', čirpi: čirpid 'сerp: серпы'; слд., срл., юлд.: čirkku: čirkud, čirppi: čirpid.

Основной отличительной особенностью людиковской системы чередования в сравнении с другими наречиями карельского языка является практически полное отсутствие в ней качественного чередования во всех позициях. Напр., пвс.: regi: reged 'сани' ном. ед.: ном. мн., haugi: haugid 'щука: щуки', роig: роigad 'парень: парни'; mado: madod 'змея: змеи', aid: aidad 'забор: заборы', haud: haudad 'яма: ямы'; l'eib: l'eibäd 'хлеб' ном. ед.: ном. мн.; halgo/ haugo: halgot/ haugot 'полено: дрова', arg: argat 'робкий: робкие', hangi: hanged 'сугроб: сугробы'; peldo: peldod 'поле: поля', merd: merdad 'мережа: мережи', rand: randas 'берег: на берегу'; hambahad: hambas 'зубы: зуб'; vihko: vihkod 'тряпка: тряпки', l'eski: l'esked 'вдова: вдовы', pit'k: pit'käd 'длинный: длинные'; l'ehti: l'ehted 'лист: листья', lastu: lastud 'щепка: щепки'.

Тем не менее, в людиковском наречии удастся обнаружить некоторые следы качественного чередования. Напр., пвс.: n'et'se 'это' (< *niät sen 'видишь это'), ruatta: ruattih 'работать: они работали', kerd: kieral 'раз: однажды'; слд., срл.: huršti: huršid 'половик: половики', lämmin 'теплый', но lämbittä 'топить'; слд.: näit 'ты видел', suarav/ sagarv 'выдра', n'äl'städä 'голодать' (< n'äl'g 'голод'), pidemb 'длиннее' (< pitk 'длинный'), pid'ädä: piän 'держать: я держу', mä tiä 'иди узнай' (< tiettä 'знать'), kohista 'шуметь', yheksä/ yhteksä 'девять', kaheksa/ kahteksa 'восемь'; срл.: pitutt 'длинные', päried, но мхл.: päreged 'лучины'; юлд.: olgi: oles 'солома: в соломе', kumbi: kummat 'который: которые'; мхл.: d'alg: d'allas 'нога: на ноге', kodi: koiz 'дом: в доме', pada: puaks 'горшок: горшком', veraal 'некоторое количество' (< verde 'мера'), d'äl'män'e 'последний' (< d'äl'gi 'след'), guado: guavoz 'работа: на работе' и др. Вполне возможно, что приведенные примеры являются заимствованиями из соседних карельских диалектов, но они могут указывать и на прежнее наличие чередования в людиковском наречии.

Кроме того, в северном и среднем людиковских диалектах встречаются формы притяжательных местоимений, обнаруживающие следы суффиксального чередования. Напр., слд., срл.: meiden/ mejan/ mean/ meijen 'наш'. Следы наличия древнего суффиксального чередования, согласно А. Турунени, является представительство в некоторых людиковских говорах инфинитивных форм глагола со слабоступенным показателем, в то время как в большинстве говоров выступает сильноступенный, или представительство в среднем людиковском диалекте слабоступенного показателя партитива в сравнении с сильноступенным показателем *d* остальных диалектов. Напр., юлд.: ajoa 'ежать'; но слд., срл., мхл.: ajada; срл.: kaloa 'рыба' парт. ед., но юлд., мхл.: kalad. Или, например, наличие древнего суффиксального чередования обнаруживают показатели третьего лица ед. числа, первое причастие и др. Напр., мхл.: andab 'он дает', tuttab 'знакомый'; но слд., юлд.: andau, tuttav¹⁷. Наличие суффиксального чередования указывает на возможное присутствие в прошлом людиковского наречия и радикального качественного чередования.

Глава 4. Чередование ступеней согласных в системах именного и глагольного словоизменения карельского языка

В четвертой главе чередование ступеней согласных карельских диалектов рассматривается в морфонологическом аспекте, т.е. в системе именного (первый раздел) и глагольного (второй раздел) словоизменения.

¹⁷ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria I. Helsinki: SUS, 1946. S. 112-115, 117-136.

При словоизменении, присоединяясь к основе, грамматический показатель в зависимости от своей структуры либо оставляет последний слог основы открытым, либо закрывает его. Анализ конкретного языкового материала свидетельствует о том, что на данном этапе развития чередование перешло в разряд морфонологического. В силу целого ряда фонетических изменений открытые слоги становятся закрытыми и, наоборот, закрытые открываются. Однако обозначенные изменения, хронологически относительно поздние, оказались уже не способными изменить исторический облик основ.

При словоизменении в большинстве случаев действует основное правило чередования (слабая ступень в закрытом слоге, а сильная – в открытом). В процессе именного словоизменения слабой ступени основы требуют показатели мн. числа номинатива (*-t/-d*), генитива ед. числа (*-n*), аккузатива (*-n, -t/-d*), транслатива (*-ksi, -kse, -ks*), инессива (*-ssA, -s*), элатива (*-stA, -s*), адессива (*-llA, -l*), аблатива (*-ltA, -l*), абессива (*-ttA, -ttAh, -ttAi*), инструктива (*-n*), комитатива (*-nke*), аппроксиматива (*-llUO*) во всех наречиях, аллатива (*-llA*) и пролатива (*-čči*) в собственно карельском наречии; сильная ступень чередования выступает в номинативе ед. числа одноосновных имен (*0*), в формах партитива (*-V*) в собственно карельском и ливвиковском наречиях, генитиве мн. числа (*-en, -den*) в собственно карельском и людиковском наречиях, в комитативе (*-neh*) и эссиве (*-nA*) в собственно карельских диалектах. Чередования в основе не могут вызвать и показатели мн. числа *-i, -lOi-*. Присоединение показателя иллатива на *-h* во всех наречиях происходит против правила, т.е. к сильноступенной основе. То же касается и терминатива с формантами *-ssAh, -ssAi, -ssuai* в ливвиковском и людиковском наречиях. Показатели аллатива на *-le* и пролатива на *-či* в ливвиковском и людиковском наречиях присоединяются к слабой ступени основы, что также фонетически незакономерно. Эссивное окончание *-nnU* в ливвиковском наречии, *-nnA* в собственно карельских диалектах Приладожской Карелии и *-n* в людиковском наречии присоединяются к сильной основе, хотя закрывают ее последний слог. В ливвиковском наречии показатели мн. числа генитива *-en, -n*, также закрывая последний слог основы, не вызывают в ней чередования, а в людиковском наречии аналогичное исключение затрагивает грамматическую форму партитива на *-t/-d*. Присоединение притяжательных суффиксов в карельском языке также вызывает ряд исключений из правил чередования ступеней согласных, все они (*-ni* (1 л. ед.), *-s* (2 л. ед.), *-h* (3 л. ед.)), независимо от своего фонетического состава, не вызывают чередования в основе слова.

В процессе глагольного словоизменения представительство слабой ступени во всех карельских наречиях вызывают в соответствии с правилом

открытого/ закрытого слога лично-числовые окончания индикатива 1 и 2 лица ед. и мн. числа (*-n*, *-t/-d*, *-mmV*, *-ttV*), суффиксы пассива (*-ttU*, *-tti*). Сильной ступени основы требуют по правилу лично-числовое окончание индикатива 3 лица ед. числа (*-V*), имперфекта 1 и 2 лица мн. числа в собственно карельском наречии (*-mA*, *-jA*), показатели кондиционала (*-si/-zi/-ži*), форманты инфинитивов (*-V*, *-dA*, *-e*, *-je*, *-mA*) и причастий (*-jA*, *-i*, *-vA*, *-nUC*). Исключения обнаруживают образование 3 лица ед. числа в некоторых собственно карельских (*-v*) и людиковских диалектах (*-b*), форм императива 1 и 2 лица мн. числа и 3 лица (*-kka**, *-kkVV*), потенциала (*-nnO*, *-nne*), кондиционала в форме 3 лица ед. числа во всех наречиях (*-is/ -iz/ -iž/ -š*), 1 причастия пассива в людиковском наречии (*-v*), формы 2 причастия актива (*-n*, *-nUC*) в собственно карельском и ливвиковском наречиях, когда закрытие последнего слога основы более не вызывает чередования в ней, а также форма императива 2 лица ед. числа (*O*), отрицание в индикативе (*O*) и некоторые формы пассива (*-tA**) во всех карельских наречиях, когда в случае открытого конечного слога в основе сохраняется слабая ступень чередования.

Итак, в карельском языке стало возможным существование слабой ступени в открытом, а сильной – в закрытом слоге. Решающее место теперь имеет лишь облик морфемы, а не ее звуковой состав. История формирования показателей позволяет объяснить все обнаруженные исключения. В тех формах, где первоначально выступала слабая ступень основы, она и осталось слабой, независимо от того, что она открылась, и, наоборот, образование закрытого слога на месте исторически открытого не привело к ослаблению основы. Наличие немалого числа исключений позволяет говорить о переходе чередования ступеней согласных на современном этапе развития в морфонологическое явление. Число исключений из основного правила чередования в ливвиковском и людиковском наречиях значительно выше, чем в собственно карельском, это может свидетельствовать о том, что явление альтернации в собственно карельском наречии еще не полностью встало на путь морфонологизации и сохранило лучше ситуацию древнекарельского фонологического чередования, чем ливвиковское и людиковское.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, кратко описываются этапы формирования явления чередования ступеней согласных, перечисляются основные диалектные отличия альтернативных систем всех карельских наречий, формулируются основные выводы:

1. Явление чередования ступеней согласных карельского языка уходит своими корнями в прибалтийско-финский язык-основу.

2. Древний карельский язык перенял прибалтийско-финскую систему чередования, однако, в ней произошли существенные изменения, к которым следует отнести в первую очередь процесс фонологизации, а также формирование новых видов чередования смычно-взрывных, выступающих в глухом фонетическом окружении.

3. Собственно карельское наречие довольно хорошо сохранило древнюю карельскую систему альтернации согласных. При этом южнокарельские диалекты данного наречия обнаруживают ливвиковские и людиковские черты чередования, отдельные из которых могли быть восприняты еще на начальной стадии формирования наречий.

4. Представительство фонологического явления в ливвиковском и людиковском наречиях объясняется степенью сохранения в них вепского субстрата. Очевидно, при формировании ливвиковского наречия преобладающим оказался карельский компонент, в то время как в людиковском наречии он выступил менее значительным. Вероятнее всего, именно в результате влияния древнего вепского языка произошло упрощение системы чередования ступеней в ливвиковском наречии, а также полностью утратилась качественная альтернация в людиковском.

5. С точки зрения чередования ступеней согласных просматривается безусловная близость собственно карельского и ливвиковского наречий, в то время как в людиковском наречии данная система значительно более ограничена, что вызвано историей формирования людиковских говоров.

6. Собственно карельское и ливвиковское наречия обнаруживают тенденцию утраты продуктивности качественным чередованием ступеней согласных, что проявляется, во-первых, в поздних русских и финских заимствованиях, собственных именах и неологизмах, а во-вторых, в исконной карельской лексике. Количественное чередование остается во всех карельских наречиях довольно продуктивным явлением.

7. На современном этапе развития чередование выполняет морфологические функции. Переход явления на морфонологический уровень указывает на то, что карельский язык занимает все более отдаленную от агглютинативного языка позицию на пути к флективному типу, находясь между вепским языком, не обнаруживающим альтернации согласных, и эстонским, в котором нередко лишь представительство той или иной ступени позволяет определить грамматическую форму слова.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Чередование ступеней согласных в собственно карельском наречии карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 2. С. 53-57;
2. Альтернатива согласных в системе именного словоизменения карельского языка // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 4. С. 53-58;
3. Вепский субстрат в системе чередования ступеней согласных карельского языка // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». 2011. № 6. С. 161-164;

Статьи в журналах, сборниках трудов, материалах конференций:

4. Формирование и функционирование чередования ступеней согласных в прибалтийско-финских языках // XXV международная научная конференция студентов финно-угроведов IFUSCO. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2009. С. 3-4;
5. Формирование и функционирование чередования ступеней согласных в прибалтийско-финских языках // Финно-угорский мир. 2009. № 4. С. 35-41;
6. Древнекарельская система чередования ступеней согласных // Материалы XXXIX международной филологической конференции. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 79-83;
7. Формирование и функционирование чередования ступеней согласных в тверских диалектах карельского языка // Тверские карелы: история, язык, культура: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 137-145;
8. Чередование ступеней согласных как морфонологическое явление (на материале карельского языка) // Материалы XL международной филологической конференции. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 57-60;
9. Чередование ступеней согласных в ливиковском наречии карельского языка // Бубриховские чтения: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. С. 98-106.

Сдано в печать 16.09.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 1,3. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз.
Изд. № 233. Заказ № 984

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50